

Валентин Иванович Яковенко

**Томас Мор (1478-1535).
Его жизнь и общественная
деятельность**

Жизнь замечательных людей

Валентин Яковенко

**Томас Мор (1478-1535). Его жизнь
и общественная деятельность**

«Public Domain»

Яковенко В. И.

Томас Мор (1478-1535). Его жизнь и общественная деятельность /
В. И. Яковенко — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. Шестнадцатый век и зарождение капитализма	6
Глава II. Гуманисты и характеристика Томаса Мора, сделанная Эразмом Роттердамским	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валентин Яковенко

Томас Мор (1478—1535). Его жизнь и общественная деятельность

Биографический очерк В. И. Яковенко

С портретом Томаса Мора, гравированным в Лейпциге Геданом

Глава I. Шестнадцатый век и зарождение капитализма

Реформация. – Общественный переворот. – Зарождение капитализма. – Появление «Утопии». – Экономическое положение Англии в XV и XVI веках и условия капиталистического производства. – Реформация и экономический индивидуализм.

Жестокий XVI век, этот вовсе не гуманный век гуманизма, имеет в высшей степени важное значение в истории развития современной цивилизации. В ту именно пору совершились события, наложившие печать на весь последующий ход общечеловеческой истории, события, все значение и содержание которых до сих пор не исчерпано еще жизнью народов, выступивших на путь прогрессивного развития. И кто знает, сколько еще веков человечеству предстоит двигаться по направлению, впервые намечившемуся в многознаменательный XVI век! Всякому школьнику известно, что это – век Реформации, возмеченной Лютером; но не всякий понимает, что Реформация Лютера была всего лишь первым актом великой общечеловеческой драмы, первым актом в деле отрешения от авторитетов и признания прав личности на самостоятельное, независимое существование. Карлейль совершенно справедливо говорит, что вторым актом той же драмы была английская Реформация, даровавшая английскому народу «Habeas corpus»¹, третьим – Великая французская революция, а остальные акты еще впереди. Но не только школьникам, а быть может, и многим жрецам рутинной науки неизвестно, что тому же XVI веку суждено было узреть первые ростки современного экономического строя, пробившиеся на свет и простор из неведомых недр человеческой жизни. Как бы мы ни смотрели на историю, с экономической или идеологической точки зрения, все равно мы неизбежно должны будем признать, что Реформация представляет поворотный момент в развитии западноевропейских народов. Несколькими столетиями раньше начали формироваться уже общественные силы, которые должны были на своих плечах вынести великое освободительное движение, ниспровергшее суеверное и беспроглядное рабство Средних веков. Впереди шла Италия: здесь развернулась мировая, по тогдашнему времени, торговля; здесь образовались самостоятельные и полные жизненной энергии городские центры; здесь независимое городское сословие, богатая, становилось все более и более могущественным фактором социальной жизни; здесь же, наконец, обратились впервые к античному миру, знакомство с которым произвело полную революцию в господствовавшем тогда мирозерцании. Но, в сущности, тот же процесс совершался и на всей западной половине европейского материка: повсюду феодализм приходил в упадок и центр жизни переносился в города; складывались, правда еще спорадически, новые экономические организации – мануфактуры. Крушение феодализма идет рука об руку с прогрессивным ростом единоличной королевской власти, начинающей выступать также и противницей папского всемирного единовластия. Великие открытия: водного пути в Индию, Америки – действуют в высшей степени возбуждающе на указанные общественные процессы. Таким образом, на сцене всемирной истории после многовековой спячки завязывается, можно сказать, титаническая борьба различных общественных сил, борьба, последнее слово в которой еще до сих пор не сказано. Авторитетное начало рутинности, в лице папства и католицизма, противостоит свободе совести и свободному исследованию, воплощенным в Реформации и гуманизме; феодальный замок, эта несколько романтическая эмблема средневековой жизни, – прозаически буржуазному городу; домашнее производство и внутреннее потребление – мануфактуре и всемирному рынку. Эта борьба отживающего старого с нарастающим новым сопровождалась страшной жестокостью, чем, между прочим, и объясняется странное при поверхностном взгляде явление, которое заключается в том, что век гуманистов вовсе не был веком

---

¹ Закон о неприкосновенности личности, принятый английским парламентом в 1679 году.

гуманизма. В настоящем случае для нас представляет особенный интерес экономическая подкладка указанной борьбы, а в частности, экономические условия жизни в Англии.

Бесспорные авторитеты в политической экономии утверждают, что «начало переворота, создавшего основание для капиталистического способа производства, произошло в последней трети XV и в первые десятилетия XVI столетия». В это же время была написана Томасом Мором знаменитая «Утопия». Таким образом, зарождение капиталистического строя производства, со всеми его беспощадными гекатомбами и низведением рабочего человека на степень бездушной машины, совпадает с появлением если не первой, то во всяком случае совершенно своеобразной мечты о благополучном устройстве человеческой жизни здесь, на земле. Правда, человечество искони веков мечтает о счастье, но в разные эпохи оно подходит к этому вопросу с различных точек зрения. Так, Магомет сулит счастье правоверным в загробной жизни: там их ожидают райские рощи, мраморные дворцы, фонтаны, шелковые одеяния, бриллианты, роскошные вина, изысканные лакомства; но все это еще пустяки по сравнению с гуриями, черно-окими девами: даже самому последнему правоверному будет полагаться не меньше семидесяти двух дев, и притом не каких-нибудь, а одаренных ослепительной красотой, прелестью юности, девственной чистотой и самонежнейшей чувствительностью... Другие, как, например, Платон, проектировали земное благополучие, но они думали о благополучии только кучки избранных, оставляя массу народа в рабском состоянии. Наконец, как во времена Томаса Мора, так и раньше являлось немало реформаторов, проповедовавших общее братство и убеждавших людей, что только в таком братстве они могут найти счастье, но все они стояли обыкновенно на религиозной почве и искали разрешения вопроса об общечеловеческом счастье не в полноте человеческой жизни, а в отрешении от земных благ и самоограничении. Томас Мор резко выделяется из всей этой группы мечтателей: он, как мы увидим в своем месте, допускает возможность счастья здесь, на земле, и надеется обеспечить это счастье всем людям. Вообще «Утопия» построена на земной, *экономической* основе; поэтому-то появление ее именно в тот момент, когда в экономическом складе общества совершался переворот и нарождался в высшей степени прозаический век капитализма, представляет крайне любопытное явление. Останемся же несколько на положении рабочих классов Англии в XV и XVI столетиях.

Как ни странно, а приходится признать, что золотой век английского рабочего – это преддверие капитализма; даже более того – что первые капиталистические «бактерии» обнаруживают свою деятельность именно в эту счастливую эпоху. Роджерс, написавший классическое историческое исследование о труде и заработной плате, говорит, что в XV и даже в начале XVI столетия заработная плата по своей покупательной силе стояла выше чем когда-либо. Уже во второй половине XIV века парламент издал и затем постоянно возобновлял так называемые рабочие статуты, направленные против рабочих и в пользу землевладельцев. Закон открыто защищал лендлордов от «притязаний» земледельцев. Так, запрещалось давать рабочим выше известной платы под угрозой штрафа; затем, всякому рабочему, оставившему свою работу, угрожало тюремное заключение; всякий рабочий, не достигший шестидесятилетнего возраста и не занятый известными указанными в статутах производствами, уклоняясь от работы, по требованию землевладельца также попадал в тюрьму. Однако рабочие были действительными господами своего положения, и все эти меры оставались на бумаге; сами землевладельцы постоянно нарушали закон и платили больше, чем полагалось по статутам. Но в XVI веке картина резко меняется, и рабочие, как замечает Торнтон, без всякого перехода низвергаются из золотого века в железный.

Капиталистическое производство может развиваться только при условии отделения производителя от средств производства, отделения, благодаря которому, с одной стороны, общественные средства существования и производства обращаются в капитал, а с другой – непосредственный производитель превращается в наемного рабочего. «С первого же взгляда видно, – говорит автор известного исследования о капитале, – что этот процесс отделения

заключает в себе целый ряд исторических процессов, притом двойной ряд: с одной стороны, уничтожение отношений, делающих самого работника собственностью третьего лица и средством производства, которое можно присваивать, с другой стороны, уничтожение права собственности непосредственных производителей на их средства производства». И затем несколько ниже: «В процессе отделения историческое значение имеют те моменты, когда громадные массы людей вдруг и насильственно отторгались от своих средств производства и существования и бросались на рабочий рынок как свободные пролетарии».

В XIV и XV столетиях главную массу трудящегося люда в Англии составляли свободные крестьяне, имевшие собственные хозяйства; даже наемные земледельческие рабочие получали коттедж с четырьмя и более акрами земли и, кроме того, пользовались наравне с прочими крестьянами разными общинными угодьями. При таких условиях могло процветать народное, но не капиталистическое богатство. Так оно и было в действительности: это был своего рода золотой век английского земледельца-труженика. Но в конце того же XV столетия и в начале XVI благодаря уничтожению феодальных дворовых на рынок труда было выброшено «громадное число пролетариев, свободных, подобно птицам», то есть начался именно тот процесс, следствием которого должно было стать развитие капиталистических отношений. Настала эпоха насильственных изгнаний крестьян с насиженных ими мест, и началась узурпация крестьянских общинных земель. Собственники старались привести по возможности большее количество культурных земель в некультурное состояние, чтобы использовать их как пастбища для овец. Крестьяне должны были уступать свои места овцам: того требовал спрос на шерсть; и они уступали, и жилища их разорялись, и сами они безжалостно выбрасывались на все четыре стороны.

Так властно заявила о себе на первых же порах капиталистическая тенденция. Мы не станем следить за ее дальнейшими успехами; заметим только, что последовавшие вскоре закрытие монастырей, колоссальное расхищение церковных имений, конфискация цеховых имуществ содействовали все тому же процессу отделения производителя от средств производства. На первых порах правительство было как бы озадачено таким резким переворотом; оно не могло еще сознательно проникнуться новой капиталистической тенденцией, так как последняя еще не оформилась в какое-нибудь определенное учение, и приняло некоторые меры против расхищения общинных земель и вытеснения людей овцами. Так, при Генрихе VII (1489 год) был издан закон, которым запрещалось разрушать крестьянские хозяйства, имевшие больше 20 акров земли. При Генрихе VIII было определено соотношение между размерами хлебопашества и пастбищами, повелено восстановить дома фермеров, пришедшие в упадок, и так далее. Подобные акты издавались и возобновлялись в течение довольно продолжительного времени, но они, конечно, не могли затормозить пагубного для населения процесса, так как процесс этот был в интересах класса, начинавшего уже играть выдающуюся роль в общественной жизни Англии. Таким-то образом создались свободные рабочие руки. На первых порах их оказалось слишком много: народившаяся мануфактурная промышленность не могла занять всех. Отсюда – бродяжничество, нищенство и разбой, охватившие Англию с конца XV века. Правительство отвечало на них суровым и жестоким законодательством, надеясь таким путем вернуть рабочие руки к труду и заставить их, как замечает иронически цитированный нами ранее автор, работать при не существовавших уже условиях.

Такова в самых общих чертах картина экономического положения Англии в то время, когда Томас Мор написал «Утопию», в которой читатель найдет между прочим указания на те же обстоятельства. Я не имею возможности остановиться на ней более подробно, но и изложенного, полагаю, достаточно для подтверждения высказанной мною мысли, что появление Морова проекта общечеловеческого благополучия, построенного на экономической основе, совпадает с зарождением капиталистических отношений.

Итак, XVI век, восставший против лживых церковных авторитетов и провозгласивший свободу совести, был вместе с тем и веком зарождения капитализма, по крайней мере в классической стране капиталистического производства. Но ведь капитализм представляет собой также известного рода освободительное движение, и мы знаем из истории, что принципы свободы и отрицания авторитетов, выставленные Реформацией, в последующее затем время были перенесены из религиозной в иные сферы общественной жизни и повсюду произвели перевороты. Поэтому сопоставление нарождающегося капитализма и нового протестантского верования, вероятно, на самом деле не так произвольно, как может казаться на первый взгляд. Конечно, нельзя сказать, что Реформацию породил капитализм или что этот последний был порожден Реформацией; подобные шаблоны в действительности оказываются никуда не годными. Но что Реформация обуславливается, по крайней мере отчасти, теми же экономическими условиями, которые породили на свет божий и капитализм, в этом не может быть сомнения. Стоит только вспомнить всю массу народных волнений и возмущений, предшествовавших Реформации и последовавших за нею, носивших несомненно экономический характер, чтобы убедиться, насколько сама Реформация была результатом совершившегося в то время общественно-экономического переворота. Так как ниже нам придется иметь дело с гуманистом, то, быть может, небезынтересно будет привести здесь мнение гуманиста Гуттена, который совершенно ясно высказывает экономическую точку зрения на папство, а следовательно, выдвигает и экономические причины борьбы с ним. В диалоге «Вадиск», появившемся в 1520 году, Гуттен говорит: «Взгляните на это громадное складочное место земного шара, куда стаскивают все, что удастся наgrabить во всех странах: в центре его сидит ненавистный червь, истребляющий множество плодов; он окружен бесчисленной толпой прожор, которые сперва высосали из нас кровь, затем принялись терзать наше тело, теперь они добрались до мозга наших костей, чтобы уничтожить все, что еще осталось. Неужели немцы не возьмутся за оружие, неужели они не бросятся на них с огнем и мечом? Эти расхитители нашего отечества, которые раньше грабили лишь с жадностью, теперь же грабят еще и с наглостью нации, повелевающей миром, откармливаются потом и кровью немецкого народа, набивают себе чрево и питают свои похоти внутренностями бедных. Мы им даем золото; они на наш счет держат лошадей, собак, мулов, содержат женщин и мальчиков для удовлетворения позорных страстей! На наши деньги воспитывают свою злобу, весело проводят жизнь, украшают золотом своих мулов и лошадей, строят дворцы из чистого мрамора».

Можно сказать, что Лютер со своею Реформацией завершил развитие известного цикла идей, порожденных данными общественно-экономическими отношениями, и, установив известный принцип, явился точкой опоры для дальнейшего движения; тогда как Томас Мор, присутствуя при зарождении нового капиталистического порядка, схватывает его кульминационный пункт и рисует нам его антитезу, рисует то, что тогда представлялось утопией, но что со временем, в силу естественного хода вещей, должно стать, в том или ином виде, насущной злобой дня.

Глава II. Гуманисты и характеристика Томаса Мора, сделанная Эразмом Роттердамским

Развитие гуманизма. – Отношения гуманистов к властям и религии. – Различия между гуманистами и религиозными реформаторами. – Эразм Роттердамский. – Характеристика Томаса Мора.

Гуманизм возник в Италии; первыми провозвестниками его были Данте, Петрарка, Боккаччо. В XV и XVI столетиях он разлился уже по всем центрам западноевропейской цивилизации, проник во Францию, Германию, Англию и подготовил более решительный натиск на отжившие в ту пору учреждения – Реформацию. Первые гуманисты, увлеченные духом античной цивилизации, мечтали перенести ее на новую почву; но они не становились в резкую, непримиримую оппозицию с существовавшим строем общественной жизни; они нападали на монахов и разврат, царивший среди католического духовенства, но оставались сами католиками; они уживались как с папами, так и с государями; многие из них даже получили доходные церковные должности. Они писали по-латыни, и потому их вольнодумства были доступны лишь небольшому, избранному кругу людей. В сфере мысли гуманисты проповедовали отрешение от мертвящей схоластики Средних веков; в сфере религии, в то же время оставаясь верными основам католической церкви, – отрешение от всякого пустосвятства и нетерпимости, жестокости и самодовлеющего аскетизма; в сфере нравственности – свободу, непринужденность, простоту; в сфере политической они стояли обыкновенно на стороне просвещенной авторитетной власти. Но чем шире разливался гуманизм и чем глубже проникал в общественную жизнь, тем он принимал все более и более боевой характер. В лице Гуттена гуманизм, подобно Реформации, становится уже прямо в боевое положение. Так, Гуттен в одном из своих памфлетов восклицает: «Подымитесь же, благочестивые немцы; у нас много копий и оружия; мирные требования не помогают; возьмемся за мечи, истребим ложь, чтобы сияла правда». Но подобные речи говорились, когда Реформация уже зажгла сердца людские и двинула целые толпы народа на борьбу за свое духовное освобождение. Весьма поучительно и многозначительно это различие между гуманистами и реформаторами. Первые напоминают скорее современный тип просвещенных и свободомыслящих POSSИБИЛИСТОВ, а вторые – тип людей революционного склада. И любопытно, в то время как Реформация провела навеки неизгладимую черту в социальной жизни народов, гуманизм прошел, точно какая-то прелестная мечта. Я не хочу этим сказать, что гуманизм не имел влияния на ход развития западноевропейской цивилизации; я говорю лишь, что он не наложил на нее своей своеобразной печати; он вскормил, так сказать, Реформацию, но сам в себе не заключал достаточно боевых жизненных элементов, чтобы ниспровергнуть средневековый строй жизни. Веселым, любезным, приветливым и вообще жизнерадостным гуманистам недоставало суровой энергии, непреклонной последовательности, отваги, черпающей силы обыкновенно в *религиозном настроении* человека, недоставало именно того, что вообще необходимо, а в особенности было необходимо в жестокие Средние века для всякого общественного преобразователя. Весьма типична в этом отношении личность главы всех гуманистов Эразма Роттердамского (1469—1536). Его нелюбовь к решительным действиям и смелым поступкам обнаруживается даже в его отношении к единомышленникам. Так, он отказался принять и приютить у себя Гуттена, бежавшего из Германии после одного вооруженного восстания, и последнего укрыл Цвингли. Затем, узнав о казни Мора и Фишера, он пишет: «Если бы погибшие спросили моего мнения, я им посоветовал бы не кидаться в открытую борьбу с грозой. Гнев королей – жестокий гнев. Он обрушивается со страшной силой на тех, кто дерзает вызывать его. Бешеных лошадей укрощают не противодействием, а ласковым обхождением. Благоразумный кормчий не станет бороться с бурей; напро-

тив, он поспешит уйти от нее, лавируя и становясь на якорь в ожидании более благоприятной погоды... Кто служит королю, должен скрывать многое, и если он не в силах склонить короля на свою сторону, то должен, во всяком случае, овладеть своими страстями... Но, скажут, человек должен также уметь умереть за истину. Нет, отвечаю я, не за всякую...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.